

КУЛЬТУРА И ЛОГОС

Культура выделяет себя из среды. Во-первых, она противопоставляет цивилизации и способу ее существования — технике как сфере антропологической, во-вторых, — природе как области “без человека”, в-третьих, — взаимодействию цивилизационного и природного. От цивилизационно-технической сферы ее отличает некая “естественность”, “органичность”, от природной, — наоборот, своеобразная “искусственность”, “произведенность”, от поля взаимодействия двух областей — отсутствие безусловного господства “искусственного” над “естественным”. Но во всех случаях культура выступает в качестве ухода за данным по сравнению с тем, что непосредственно таким уходом не является.

И тем не менее отблески, признаки цивилизационного, природного и их взаимоотношения, которые культура обнаруживает по линии соприкосновения со своим окружением, для нее не случайны. Они выявляют ее в трех основных внутренних формах:

1. Культура искусственности, т. е. забота о данном как внимание к его произведенности. “Сильная” культура искусственности находит свое наиболее последовательное выражение в динамике Модерна, или Модернизма в широком смысле этого слова, — с его идеалом безудержного строительства нового. “Слабая” защита искусственного проявляется в Неомодернизме, стремящемся соединить субъектов в рамках консенсуалистски организованного сообщества.

2. Культура естественности, оберегающая “антисделанность” данности. Выступая противодействием заботе об искусственном, она представлена и в оппозиции Модерну — Романтизму и иррационалистическом Модернизме (Модернизм в узком смысле слова), которые ориентированы на разрушение всякой “построенной неподлинности”, и в противоположности Неомодернизму — том виде Постмодернизма, который ратует за отказ от якобы ложного принципа согласия в пользу идеи состоятельности.

3. Культура существует в форме ухода за отстраненностью от господства искусственности. Присутствие “культуры отстраненности” очевидно в том Постмодернизме; где главным оказывается избегание вездесущей Власти.

Но культура определена не только ее взаимоотношениями с цивилизацией, природой и их взаимодействием. Озабочен-

ность данным отсылает к одному из важнейших аспектов активности логоса.

Логос сообщает вещам их бытийность, приносит происходящему весть бытия. В результате сущее становится миром. Он заявляет о себе прежде всего формирующей, конституирующей функцией. Сегодня ее надо рассматривать более широко, чем раньше. Одно из начальных значений греческого “логоса” — “собрание”. Логос, конечно, часто действует, связывая разрозненное. Но бытие может требовать и отдаления от соединенности, смещения в сторону от нее. В таком случае, наряду с логосом-собранием, существует и логос-уклонение (от собирательности). Вместе они гарантируют мир-вселенную.

Активность логоса, далее, выступает в роли обнаружения, выявления бытийного в вещах. Без этого она вела бы к бесконечной цепи плоских, бесплодных видоизменений сущего. “Логос” в своей исходной основе означает еще и “укладывание на ложе”, что, во-первых, должно быть истолковано в качестве помещения в просветляющее, излучающее свет пространство, т. е. как “дарение” бытия, погружение в несокрытость его лона. Логос, следовательно, представлен не только в конституировании, но и в раскрытии. Последнее дает мир-белый свет.

Однако в “укладывающем” содержании логоса необходимо, во-вторых, видеть и заботу о покое, другими словами, уход за бытийностью вещей, стремление к ее сбережению. Иначе его раскрывающая работа не знаменовала бы собой ничего, кроме узкогносеологического “анализа”, “изучения”. В действительности же он относится к бытийности отнюдь не бесстрастно. Охраняя ее, он порождает мир-тишину.

Забота о бытии и превращает логос в смысл всякого ухода за данным, т. е. культуры, а культуру, в свою очередь, — в знак, символ, метку этой заботы. За разновидностями культурного, таким образом, стоят различные варианты сбережения бытийности.

Конечно, эта функция логоса тесно связана и с формирующей и с раскрывающей его сторонами. Но если речь идет о ряде ее модификаций, то говорить о нем надо в терминах стороны формирующей.

Уход за бытием может происходить в рамках собрания. Тогда он отмечен производительностью культуры искусственности. “Жесткое” собрание рассеянного реализуется как конструирование, “мягкое” — как составление композиции. Забота о бытийности через конструирование — это внутреннее содержание “сильной” культуры искусственности, через создание композиции — культуры искусственности “слабой”.

Возможно сбережение бытия и с помощью уклонения от собирательности. Таков смысл культуры отстраненности от господства искусственного.

Относительно культуры естественности, однако, на первый взгляд кажется, будто она связана не с логосом-собираем и даже не с логосом-уклонением, но с некой абсолютной антисобирательностью. В самом деле, если сбережение данного предполагает очищение от построенного, то это признак действия не положительности конструирования, а отрицательности деструкции. Одновременно и там, где культурность обязана не согласию, а состязательной игре, все свидетельствует о функционировании именно антипода композиционности — деконпозиции. Следовательно, деструкция (построенного мира) — всегда конструирование (мира органического); точно так же деконпозиция (мира совместности) по своей сути есть не что иное, как утверждение композиции (мира агонистики).

Культура естественности, таким образом, выражает не ту заботу о бытийности, которая зависела бы от враждебности всякому собиранию. Она служит символом той, что осуществляется благодаря всего лишь обратной стороне собирающей активности логоса. Но в этом отношении она сама является лишь обратной стороной — культуры искусственности.

А. Ф. Кудряшев
Уфа

О ВКЛЮЧЕННОСТИ ЧЕЛОВЕКА В КУЛЬТУРУ

Во многом примечательные черты и скрупулезная разработанность отличают онтологическую картину связей человека в культуре, “завещанную” Г. С. Батищевым и являющуюся предметом обсуждения в настоящем докладе. Г. С. Батищев выделил три типа включенности человека в культуру: социал-органический, социал-атомистический и со-творческий типы. Анализ связей проводился им с учетом работ К. Маркса и Марксовой типологии социальных связей человека, в результате чего у Г. С. Батищева сложилась пятичленная система этих связей, включающая три указанных типа, два из которых разделены на два подтипа каждый — раскрытый и замкнутый. Третий тип связей, прообраз которого К. Марксом относился к коммунистическому обществу, рассматривался Г. С. Батищевым как снятие двух первых типов, взаимно противоположных, но могущих “противоречиво совмещаться или весьма парадоксально сопри-